

— Вы, молодые люди, никогда не заботитесь о своем здоровье. В наши дни легко простудиться, бродя по горам. Хорошо, что я встретил тебя сегодня.

— Где ты поймал эту рыбу? Она короткая и маленькая - выглядит красиво, но бесполезна. Как ее можно съесть?

Цзин Ли: «???»

Кого ты называешь коротышкой и бесполезным? Разве так должен говорить человек?

Повозка, запряженная волами, покачивалась, двигаясь вперед. Цинь Чжао сидел внутри, держа в руках деревянное ведро. На слова фермера он лишь тихо хмыкнул.

Цзин Ли наблюдал за ним из воды.

Почему ему показалось, что этот человек улыбнулся?

У фермера, который их подвозил, была фамилия Линь, он был вторым в своей семье, поэтому все в деревне называли его Линь Лао-эр.

Линь Лао-эр взмахнул кнутом, подгоняя быка, и повысил голос, чтобы поговорить с Цинь Чжао:

— Но это и к лучшему. Ты такой худой, тебе нужно хорошо питаться и набираться сил! Если ты не умеешь готовить, принеси рыбу мне. Твоя тетьа может приготовить тебе кисло-сладкого карпа!

Цзин Ли: «...»

— Спасибо, дядя Линь, — спокойно ответил Цинь Чжао, крепко прижимая Цзин Ли к полу, чтобы тот не разбрызгивал воду, — но в этом нет необходимости.

Линь Лао-эр не возражал.

Сегодня он явно был в хорошем настроении и еще какое-то время болтал с Цинь Чжао, прежде чем наконец оставить его в покое, напевая себе под нос.

Цзин Ли взмахнул хвостом и подплыл к краю деревянного ведра.

Несмотря на то, что этот фермер все время говорил о том, что съест его, он был добр к Цинь Чжао. Если бы не он, кто знает, сколько времени ушло бы у больного мужчины на обратный путь.

Не нужно злиться, не нужно злиться.

Когда он устал, кто-то предложил его подвезти, так что больному повезло гораздо больше, чем ему самому.

Цзин Ли быстро убедил себя не заикливаться на этом и переключил внимание на пейзаж за окном.

Край ведра был не очень высоким, и, высунув голову, он увидел, что происходит снаружи. Они уже покинули горы и теперь находились на более открытой местности, похожей на равнину.

Вдоль грунтовой дороги тянулись поля, и многие люди, согнувшись, работали на земле.

Это был сезон весенних посадок, когда фермеры сеют урожай, чтобы собрать его осенью. От этого зависело их благосостояние.

Цзин Ли никогда не работал на ферме, но он знал, что вспашка, посадка, удобрение, прополка и сбор урожая – все это трудоемкие задачи. В отдаленных горных деревнях, подобных этой, нужны были сильные и крепкие мужчины.

И мужчина рядом с ним...

При таком слабом здоровье он, вероятно, был не слишком полезен в качестве работника, и, возможно, именно поэтому другие смотрели на него свысока.

В одно мгновение в голове Цзин Ли возник трагический сценарий: человек, неспособный работать из-за слабого здоровья, презираемый семьей и высмеиваемый деревней – прямо как в романах.

— Тебе так нравится на меня смотреть? — тихо спросил мужчина, и только тогда Цзин Ли понял, что рассеянно пялился на него.

Проселочная дорога была ухабистой, и повозка с волами сильно тряслась. Цинь Чжао пришлось крепко держать ведро обеими руками, чтобы вода не расплескалась.

Это выглядело так, как будто он баюкал его на руках.

И вот он здесь, вот так смотрит на мужчину...

От этого осознания Цзин Ли внезапно почувствовал себя немного неловко. Он взмахнул хвостом, собираясь нырнуть обратно в воду, но увидел, что Цинь Чжао внезапно протянул к

нему руку.

Цзин Ли инстинктивно захотелось сбежать.

— Не двигайся, — тихо сказал Цинь Чжао.

Цзин Ли сделал паузу, а затем почувствовал, как кончики пальцев мужчины коснулись его лба.

Цзин Ли снова уловил исходящий от него запах лекарства.

Аромат был слабым, с обычной травяной горечью, но приятным.

Цинь Чжао сосредоточенно смотрел на него. Он слегка наклонил голову, его пальцы скользили по гладкой чешуе, слегка касаясь тонкого прозрачного спинного плавника, и наконец остановились на мягком прохладном хвосте.

Цзин Ли не двигался, позволяя ему прикоснуться к себе, и когда он дотронулся до кончика хвоста, Цзин Ли инстинктивно обвил его вокруг пальца.

Эта реакция явно понравилась Цинь Чжао. Его глаза слегка загорелись, а уголки губ приподнялись в легкой улыбке.

У Цинь Чжао была очень привлекательная улыбка.

Казалось, что жизненная сила, которая была в нем, внезапно вернулась в этот момент. Его глубокие темные глаза, скрытые под ресницами, отражали сверкающий солнечный свет.

Цзин Ли был заморожен и на мгновение забыл, как плавать. Только когда его тело начало погружаться, он пришел в себя и быстро заработал хвостом, чтобы восстановить равновесие.

— Ха, — Цинь Чжао слегка рассмеялся, похлопав рыбу по хвосту. — Ты даже плавать нормально не можешь - ты точно рыба? Как глупо.

Цзин Ли: «...»

Это потому, что он еще не привык быть рыбой!

Цзин Ли оттолкнул пальцы Цинь Чжао и, надувшись, опустился на дно ведра.

Каким бы красивым он ни был, он не должен говорить о нем такие вещи.

Хм.

Повозка с волами двигалась в два-три раза быстрее, чем человек шел пешком, и вскоре они добрались до деревни.

Деревня называлась Линьси, так как мимо нее протекал небольшой ручей. Жители деревни использовали этот ручей для повседневных нужд, таких как стирка одежды, приготовление пищи и полив сельскохозяйственных культур.

Жители деревни Линьси были простыми и честными. Многие приветствовали Линь Лао-эра по пути, но когда они увидели Цинь Чжао в повозке, их улыбки исчезли, а некоторые даже старались его избегать.

Но Цинь Чжао не поднимал головы, сосредоточившись на игре с рыбкой, и не обращал внимания на реакцию окружающих.

Он был подобен глубокому колодцу, спокойному и безмятежному, в котором ничто внешнее не могло вызвать ни малейшей ряби.

Пока повозка, запряженная волами, не остановилась перед домом.

Что ж... назвать это домом было не совсем точно.

Деревня Линьси не была особенно богатой, но в каждом доме обычно был небольшой двор и две-три комнаты. Однако перед Цзин Ли предстал лишь убогий глинобитный домик.

Наружные стены сильно обветшали и облупились, деревянная дверь была полуоткрыта и не закрывалась должным образом, вероятно, пропуская сквозняки зимой.

Цзин Ли откинул голову назад и спокойно взглянул на Цинь Чжао.

Он действительно живет в таком месте, как это?

Цинь Чжао слез с повозки, держа в руках ведро, и вежливо сложил ладони перед Линь Лао-эром.

— Спасибо, дядя Линь.

— Это ничего не значит, просто небольшая услуга. — отмахнулся Линь Лаоэр. — Я не умею читать, и если бы ты тогда не написал за меня жалобу, моя семья не вернула бы отобранную у нас землю. Будет правильно, если я немного помогу тебе.

Линь Лао-эр помог ему занести лекарственные травы в дом и, увидев голую и пустую комнату, снова вздохнул:

— Ты все еще не можешь вспомнить свое полное имя или откуда ты родом?

Цинь Чжао покачал головой:

— Я помню только, что моя фамилия Цинь, но что касается моего имени или происхождения, я ничего не знаю.

— Разве ты не хочешь отправиться дальше, в большой город, чтобы найти свою семью? — предложил Линь Лао-эр. — Цинь Чжао, я не преувеличиваю, но, судя по твоей выдающейся внешности и литературному таланту, ты не похож на нас, фермеров. Если бы в близлежащих деревнях был кто-то похожий на тебя, об этом бы давно уже все знали. Ты бы не искал до сих пор без каких-либо новостей.

Цинь Чжао поставил деревянное ведро на единственный стол в доме. Выражение его лица оставалось спокойным, а тон — мягким и размеренным:

— Спасибо за добрые намерения, дядя Линь, но сейчас я не могу отправиться. Боюсь, если я отправлюсь в такое долгое путешествие, то не доберусь даже до города, прежде чем...

— Эх, это правда, заботиться о своем здоровье важнее всего!

Цзин Ли, прислонившись к краю ведра, слушал разговор, слегка покачивая хвостом в воде.

Цинь Чжао был родом не из этой деревни.

Это не удивило его, на самом деле, в этом был смысл. Поведение Цинь Чжао сильно отличалось от поведения обычного деревенского жителя. Даже если он не происходил из ученой или богатой семьи, он, по крайней мере, был хорошо образован.

Будучи чужаком, человеком с неизвестным прошлым и слабым здоровьем, неудивительно, что он столкнулся с неприятием со стороны жителей деревни.

Люди, естественно, с опаской относятся к чужакам, особенно в таких изолированных горных деревнях.

Поставив травы в доме, Линь Лао-эр вдруг кое-что вспомнил:

— О, кстати, ты слышал, что семья Чэнь спорила о разделе имущества последние несколько

дней?

Цинь Чжао слегка нахмурился:

— Раздел имущества?

— Да, — вздохнул Линь Лао-эр, — у старой госпожи Чэнь в прошлом году случился инсульт, и с тех пор она прикована к постели. Они приглашали нескольких врачей, но ни один из них не смог помочь. Семья Чэнь — одна из самых богатых в деревне Линьси, и младшие члены семьи присматриваются к поместью, ожидая, когда старушка умрет.

Хм?

Какое это имеет отношение к Цинь Чжао?

Цзин Ли был озадачен, когда услышал, как Линь Лао-эр продолжил:

— Ты снял этот дом у старой госпожи Чэнь. Если они разделят семью, то это место может...

— В любом случае, просто будь начеку в ближайшие дни.

Цинь Чжао на мгновение опустил глаза, задумавшись, а затем поблагодарил:

— Я понимаю. Спасибо за предупреждение.

Линь Лао-эр, которому нужно было возвращаться домой, пробыл с ним недолго.

Когда он ушел, Цзин Ли наконец высунул голову, чтобы осмотреть дом.

Как и снаружи, внутри дом был очень простым, и все можно было рассмотреть с первого взгляда.

Это был небольшой глинобитный дом из двух комнат. При входе в переднюю дверь стоял стол, за которым сейчас стояло ведро с Цзин Ли, и два стула. Кроме этого, из мебели были только несколько низких шкафов по углам для хранения вещей.

Справа от входа была печь, рядом с которой стояло несколько маленьких баночек с лекарствами. Слева была еще одна комната, поменьше, без двери — только тканевая занавеска, закрывающая обзор.

Это, должно быть, спальня.

Воздух наполнился слабым лекарственным ароматом, таким же, как и запах Цинь Чжао, который был довольно приятным.

Цинь Чжао стоял спиной к Цзин Ли, наклонившись над плитой, чтобы распаковать только что купленные травы.

Он купил не готовый рецепт в аптеке, а набор трав. Цинь Чжао умело сортировал и подготавливал травы, быстро разделяя их на несколько небольших порций и упаковывая.

Затем он насыпал одну порцию в кувшин для лекарств, чтобы они настоялись, а закончив с этим, поставил на плиту большой котел.

В воздухе сразу же разлился восхитительный аромат.

В животе у Цзин Ли громко заурчало.

Он провел в этом мире три дня и ничего не ел.

Дело было не в том, что нечего было есть. Последние несколько дней он плыл по реке, и для рыбы, водных растений, мелких креветок и насекомых в реке все было съедобным.

Но душа Цзин Ли все еще была человеческой, и он просто не мог заставить себя есть эти вещи.

В результате он голодал несколько дней.

Цзин Ли с тоской наблюдал, как Цинь Чжао взял золотистый кусок лепешки и сел за стол. Он нетерпеливо вилял хвостом, расплескав немного воды на стол.

Цинь Чжао спросил:

— Ты тоже хочешь немного?

Цзин Ли завилял хвостом еще энергичнее.

Цинь Чжао:

— Если я отдам все тебе, что я буду есть?

Цзин Ли сделал паузу.

Это правда: у Цинь Чжао, чужака, которому не на кого было положиться и который жил в таком месте, вероятно, было мало еды. Ему, возможно, даже с трудом удавалось прокормить себя, не говоря уже о том, чтобы поделиться с кем-то.

То, что его спасли, уже было невероятным везением для него, он не мог быть таким жадным.

Но... он был очень... очень голоден...

Настроение маленького кои заметно упало.

Цинь Чжао повернул голову, чтобы посмотреть на маленького карпа кои в ведре, и нашел это забавным.

С того момента, как он увидел эту рыбу, он почувствовал, что с ней что-то не так. Ее страх и попытки сбежать во время убоя, ее обращение за помощью к человеку – все это не могло быть свойственно обычной рыбе. И на протяжении всего путешествия рыбка явно понимал человеческую речь и общался с ним.

Может быть, он случайно спас рыбу с каким-то духом внутри?

С этой мыслью Цинь Чжао опустил глаза, отломил небольшой кусочек лепешки и бросил его в воду.

Цзин Ли уже опустился на дно ведра, но не смог удержаться и всплыл, почувствовав аромат лепешки. Он посмотрел на Цинь Чжао, затем на плавающий кусок лепешки и, наконец, не в силах устоять перед соблазном, откусил.

Лепешка была сделана из пшенной муки.

Пшенная мука была не очень мелкого помола, поэтому в ней чувствовалась зернистая текстура пшена. В тесто добавили немного измельченных красных фиников, и после приготовления на пару оно стало мягким, но плотным. Несмотря на то, что в него не добавляли приправ, оно имело естественный сладкий вкус благодаря самому зерну.

Цзин Ли подумал, что это лучшее, что он когда-либо ел.

Маленький карп с удовольствием пережевывал пищу, раздувая щеки, а его плавники радостно покачивались.

— Ешь медленно, если понадобится, будет еще, — мягко сказал Цинь Чжао, подперев подбородок рукой. — Потолстей немного, и ты будешь готов к горшку.

!!!

Цзин Ли был так напуган, что подавился и, размахивая плавниками, выплюнул огромный пузырь.

Г-готов к горшку???

Этот человек на самом деле намеревался съесть его!

Цинь Чжао отломил еще один кусок лепешки и бросил его в воду, слегка улыбнувшись.

— Почему ты перестал есть?

Цзин Ли отпрянул, отказываясь прикоснуться к еде.

Пока он не ел, он не толстел, а значит, не попадал в горшок.

Цзин Ли был настроен решительно.

Цинь Чжао наблюдал за реакцией маленького кои и еще больше уверился в том, что эта рыба его понимает. Однако он не стал указывать на это. Вместо этого он опустил руку в воду и осторожно подтолкнул плавающий кусочек лепешки к Цзин Ли.

— Давай, ешь, — спокойно сказал Цинь Чжао. — Я просто дразнил тебя, мне не нравится рыба.

Цзин Ли оставался неподвижным, явно демонстрируя свое недоверие.

Цинь Чжао отвел взгляд, больше не обращая внимания, и принялся за свою еду.

Даже то, как он ел, было очень элегантно: он медленно и тщательно пережевывал пищу, словно смаковал какое-то редкое лакомство, а не простой кусок лепешки из зерна.

Цзин Ли наблюдал за ним...

Он почувствовал себя еще более голодным.

Этот мужчина такой симпатичный, он, наверное, не стал бы врать, верно?

Цзин Ли помахал хвостом, подплыл ближе и быстро схватил лепешку, опустившись на дно ведра, чтобы съесть ее. Тайком доев лепешку, он снова вынырнул, желая еще.

Цинь Чжао отломил еще один маленький кусочек и бросил его Цзин Ли, который осторожно взял его и опустился на дно ведра, чтобы съесть.

Как будто, пока Цинь Чжао его не видел, это не считалось приемом пищи.

Глупая рыба.

Цинь Чжао опустил глаза, скрывая намек на веселье в них.

И вот они вдвоем разделили пшеничную лепешку размером с ладонь.

Цинь Чжао взял еще один кусочек из котелка, но, вернувшись к столу, увидел, что маленький кои, склонив голову набок, выжидающе смотрит на него.

Цинь Чжао сказал:

— Тебе больше нельзя есть, а то заболеешь.

Я еще не наелся.

Маленький карп дважды недовольно вильнул хвостом и открыл рот, глядя на Цинь Чжао.

Еще.

Цинь Чжао ничего не оставалось, кроме как отломить небольшой кусочек и отдать ему.

Во второй половине дня Цинь Чжао поставил лекарство вариться на медленном огне, но вскоре услышал, как в ведре постоянно плещется вода.

Он подошел и увидел, что маленький карп отчаянно плавает взад-вперед, разбрызгивая воду по краям ведра.

— Что с тобой не так? — спросил Цинь Чжао.

Цзин Ли перевернулся, показав брюшко, и жалобно похлопал плавником по своему округлившемуся животу.

Затем он продолжил плавать кругами.

О нет, я действительно слишком много съел...

<http://bllate.org/book/14325/1268635>